

А как Вы думаете? Понюхайте и напишите». ⁴¹ И снова, спустя несколько дней, она пишет о том же: «А ехать в Париж очень не советуют, и тут донимают письмами. Сегодня Яна разбудили в 8 ч. — заказное письмо. Кто-то требует на лечение большую сумму». И в преддверии близкого возвращения в Париж В. Н. Бунина в том же письме восклицает: «Здесь мы пока не видим никого кроме Степунов. Но ведь в Париже трудно будет скрываться». ⁴² Зуров не только согласен с ней, но уже и сам испытывает давление окружающих и с присущей его письмам краткостью ставит в известность об этом Бунина: «У меня бывают просители. Кто их посылает?». ⁴³

После сравнительного рассмотрения фактографических свидетельств нобелевской поездки Бунина можно сделать вывод о выравнивании, а местами даже о нивелировке традиционных особенностей некоторых жанров, в частности эпистолярия. В описаниях этой поездки эпистолярный жанр в своих функциях почти везде уравнивается с дневником, о чем свидетельствует не только практическое отсутствие временных промежутков между письмами, но и резкое снижение, почти атрофия роли адресата, который почти везде низведен до уровня приемника информации, простого хранилища записей.

Перетеканию друг в друга жанров дневника и писем, а также нивелировке этих жанров способствуют редкие ответы Зурова на письма Буниной и еще более редкие — на письма Кузнецовой. С другой стороны, «Грасский дневник» в некоторых случаях отступал от такого онтологического свойства этого жанра, как синхронная запись того или иного события. Происшедшее, видимо, описывалось позже, с некоторой временной дистанции. К тому же Кузнецова перед публикацией тщательно отбирала материалы, предназначенные для обнародования, что опять-таки ставит под сомнение чистоту жанра.

После журнальной публикации первой части «Грасского дневника» в 1963 году она пишет Зурову о своих планах: «Вам более чем кому-либо другому известно, что не все было так идиллично, как в этих первых записях. Пока я не хочу трогать распада Грасской жизни — пока не время. Можно было бы — с пропусками — довести до Нобелевской премии и даже чуть дальше, но с осторожностью. (...) Я печатаю с таким выбором, что только злой глаз может найти что-либо предосудительное». ⁴⁴

Тщательный выбор и решение не касаться конца грасской жизни приводит к тому, что обычно записывавшая все существенные события Кузнецова в продолжение немецкой интерлюдии нобелевской поездки ни словом не упоминает Маргариту Степун, которая позднее стала причиной ее разрыва с Буниным. Между тем та выглядит настолько ярко и необычно, что не может остаться незамеченной. Ее краткое описание встречается в дневнике В. Н. Буниной: «Ян с Ф. А. перешли на „ты“. У них живет его сестра Марга. Странная большая девица — певица. Хорошо хохочет». ⁴⁵ Своим умолчанием Кузнецова как бы подводит черту под нобелевской поездкой, отделяя одну от другой две эпохи своей жизни.

Нобелевская премия, как и поездка за ней Бунина со свитой, закончилась очень быстро, как заканчивается любая сказка. Бунина пишет 20 декабря Зурову: «Я так и не почувствовала радости от премии, разве что один раз несколько минут,

⁴¹ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 20 декабря 1933 года (Ibid. MS. 1067/7943). Отношение Зурова к большинству их общих парижских знакомых можно понять по его письму к В. Н. Буниной от 15 декабря 1933 года: «После обеда [у Денисовых] я прочел вслух Ваше письмо. Восторг и приветы. (...) Все Вам шлют свой сердечный привет. Артисты!» (Ibid. MS. 1068/2066).

⁴² Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 25 декабря 1933 года (Ibid. MS. 1067/7946).

⁴³ Письмо Л. Ф. Зурова к И. А. Бунину от 27 декабря 1933 года (Ibid. MS. 1068/2055).

⁴⁴ Письмо Г. Н. Кузнецовой к Л. Ф. Зурову от 20 мая 1964 года (БФРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 50. Л. 69).

⁴⁵ Дневник В. Н. Буниной за 1933 год; запись от 24 декабря // Устами Буниных. С. 299.